

Н.В. ДРАННИКОВА
(Архангельск)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КЕНОЗЕРЬЯ

В последнее время появилось много работ, посвященных народной мифологии [Левкиевская 2006, 136—144; Новичкова 1995; Дмитриева 2005, 133—158]. Тексты мифологических рассказов, записанные на Кенозерье в начале 2000-х годов, были опубликованы Н.П. Ведерниковой [Кенозерские сказки 2003]. Цель нашей статьи — выявление особенностей восприятия жителями Кенозерья природных объектов региона. Для этого был проведен анализ устной повествовательной традиции Кенозерья, которую представляют современные мифологические рассказы (былички, поверья) и предания, а также обрядовых практик, связанных с почитанием местных святынь.

Былички относятся к области архаического фольклора. В отличие от ряда других традиционных жанров они продолжают активно бытовать и в настоящее время. В последние десятилетия значительно увеличилось число их записей. Этот факт отчасти можно связывать со снятием негласных запретов на собирание и изучение текстов, относящихся к религиозно-мифологической сфере. Если многие годы этот материал игнорировался собирателями, то сейчас он активно записывается. За последние 20 лет участниками фольклорных экспедиций Московского государственного университета, Института этнологии и антропологии РАН (Москва), Поморского государственного университета (Архангельск), Института языка, литературы и истории РАН (Петрозаводск) и др. на территории Архангельской, Вологодской, Кировской областей и Карелии было записано несколько тысяч быличек. Среди них рассказы о леших, домовых, водяных, порче и колдовстве и др.

В июле 2005 г. на территории Кенозерского национального парка работала фольклорная экспедиция Поморского государственного университета. Были обследованы деревни Вершинино, Рыжково, Федосово, Самково, Карпова и др., опрошено 70 исполнителей. Результаты экспедиции позволили выделить основные этнокультурные тенденции этого региона. Материалы экспедиции находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Поморского государственного университета (папка № 500) и составляют 400 листов (далее — ФА ПГУ. П. 500).

Проживание около озер наложило отпечаток на традиционную систему верований кенозер. Общерусские мифологические персонажи приобрели соответствующие локальные особенности. Среди них преобладают духи природы: *русалка, лесовик (леший), водяник, змеи*, пребывание последних здесь связывают исключительно с водой. В меньшей степени распространены рассказы о домовом (*жихаре*), *дворовом* и *байном*. Каждый из названных нами персонажей имел свои функции и осуществлял патронаж над определенной частью культурного и природного ландшафта.

В славянских народных верованиях русалка связана с миром мертвых. Д.К. Зеленин относил этот персонаж к «заложным» покойникам, умершим естественной смертью [Зеленин 1995]. Материал Кенозерья свидетельствует о том, что здесь этот персонаж имел широкое распространение (записано более 30 рассказов). Кенозерский образ русалки не соотносится с севернорусской мифологической традицией. На Русском Севере и в Поморье рассказов о русалках почти не было. По представлениям жителей Кенозерья, русалка может быть духом-покровителем святой роши. В записанных нами рассказах часто встречается эпизод о том, как русалка расчесывает волосы около святой роши, что, по утверждению местных жителей, является предсказанием какого-либо несчастья (А.Н. Губина, 1926 г.р., д. Самково; А.Г. Шишкина, 123

1921 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 40, 42]). Предсказание — одна из функций духов. Все они традиционно называются «покровителями» какого-нибудь локуса. В исследованном нами регионе наблюдается наложение местных и более широко известных мифологических мотивов¹ [Зиновьев] согласно логике местной традиции.

В современной кенозерской культуре сохранилась традиция обращаться за помощью к духам-хозяевам. Чтобы хорошо ловилась озерная рыба, кенозеры задабривали *водяника*. Для этого ему варили яйцо и пекли хлеб-*двинянку*², которые отправляли в плавание по озеру. Вероятно, этот обычай восходит к обряду кормления воды хлебом.

Расположение кенозерских деревень на берегах озер оказало влияние на характер сюжетов мифологических рассказов, бытующих в этой местности: например, ребенка, отданного лешему неосторожным словом, девять дней носит по озеру на плоту (М.А. Потапова, 1950 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 10]). В регионах, где водные артерии не играют такой роли, как на Кенозере, в частности в текстах, записанных на Пинеге, ребенок блуждает в лесу [Дранникова 2000, 45—47]. В традиционной картине мира кенозер главную роль играют образы, восходящие к мифологическим хозяевам стихии воды, — это русалки и водяные (*водяники*). Определенную аналогию этому явлению можно обнаружить в Поморье, о чем свидетельствуют результаты нашей экспедиции в село Зимняя Золотица (2001 г.) [Дранникова 2002, 83—92].

На обследованной нами территории к домашним духам относятся *жихарь* (домовой), *дворовой* и *байный*. В кенозерской мифологической прозе чаще всего встречаются следующие мотивы, связанные с этими персонажами: *байный* пугает человека, моющегося в бане после 12 часов; *жихарь* предсказывает будущее хозяину дома, в котором он живет,

¹ А. III. Русалка. 24*. Русалка предсказывает беду.

² *Двинянка* — сочень с ячменной крупой, *житник*. — Н.Д.

и др. Они имеют широкое распространение и в других регионах России.

Мифологическая традиция юго-запада Архангельской области и ее северо-востока имеют существенные различия. На юго-западе (Кенозерье) существуют суеверные рассказы о специфических мифологических персонажах — змеях [Козлова 2006], которые якобы плавали у деревни Тарасово (П.Н. Ножкина, 1923 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 25]). Образ змей отсутствует в северо-восточных районах Архангельской области. Исполнители пытаются объяснить, почему в современном мире данные персонажи не столь значимы, как раньше. Они говорят: «*Сейчас все загажено бензином — их не видно*» (З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 160]). Мотивационная рефлексия исполнителей имеет характерную локальную метку и объясняется расположением этого региона.

В Кенозерье не развита историческая повествовательная традиция: практически нет рассказов о первопоселенцах и чуди, хотя топонимика свидетельствует о сильном прибалтийско-финском субстрате на его территории. Исключение составляет предание о первых жителях населенных пунктов Вершинино и Тырышкино — *Шишке и Тырышке* (З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 4]). Одна из частей села Вершинино называется Шишкино, ее будто бы основал *Шишка*; деревня Тырышкино, основателем которой, по народным представлениям, был *Тырышка*, находится в южной акватории Кенозера, в нескольких десятках километров от Вершинино. Текст о *Шишке и Тырышке* был записан нами в виде неразвернутого нарратива. Ни один из опрошенных нами исполнителей не мог объяснить, почему в тексте объединяются имена двух этих персонажей.

В современном кенозерском фольклоре произошла мифологизация образа чуди. Во время нашей экспедиции всем местным жителям мы задавали одни и те же вопросы: «Кто такая чудь?»,

«Помните ли Вы рассказы о чуди, существовавшие в этой местности?» и др. Только один из исполнителей знал, что чудь — это народ, живший на этой территории до прихода русских (М.А. Потапова, 1950 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 101]). Остальные — считали, что чудь — это *разбойники* (А.И. Тишнев, 1923 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 114]) или же относили ее к области мифологических персонажей и объединяли с русалками и водяными (А.Н. Губина, 1926 г.р., д. Самково; З.Д. Губина, 1936, д. Вершинино [ФА ПГУ П. 500, № 115—116]). Память о чуди практически исчезла. Лишь некоторые из исполнителей могли как-то идентифицировать чудь. Отметим, что еще в 1920-е гг. чудью здесь пугали непослушных детей [Агеева 1990, 86].

В Кенозерской экспедиции нами были записаны следующие «чудские» предания: о том, как чудь предсказывает пожар; о том, как чудь крадет коров; о том, как местные жители находили глиняные игрушки, которые, по их мнению, принадлежали чуди; и о том, что в деревне жила женщина по прозвищу Цобойда, которую считали потомком чуди, так как она сильно цокала [ФА ПГУ П. 501]. Прозвище, как и само слово *чудь*, в речи жителей некоторых районов Архангельской области приобрело значение ругательства. «Воспоминания» о чуди относятся к двум деревням Кенозерского сельсовета — Самково и Глазово. Описание чуди в этих повествованиях напоминает «портреты» нечистой силы: *из леса выскочила, вся такая в черном, лицо черное, волосы по ветру летят, глаза дикие ...* (А.Н. Губина, 1926 г. р., д. Самково [ФА ПГУ П. 500, № 125]). Все исполнители отмечали длинные волосы чуди. В кенозерских рассказах чудь выполняет функции, свойственные в народной прозе мифологическим персонажам: предсказывает пожар, чудесным образом бросает через реку головни, от которых ровно через год в другой деревне начинается пожар, крадет коров и т.п.

Записанные нашей экспедицией рассказы содержат сюжетные мотивы, отсутствующие в «Указателе пре-

даний Европейского Севера о чуди» Ю.И. Смирнова [Смирнов 2001] и в «Указателе типов, мотивов и основных элементов преданий» Н.А. Криничной [Криничная 2001, 55—67]. Это объясняется тем, что в народном сознании чудь утратила исторические черты и приобрела мифологические, что сказалось и на характере повествования. Некоторые кенозерские рассказы о чуди эксплицируют жанровые признаки мифологических рассказов. Рассказы содержат «ссылки на предков», подтверждающие их истинность: *старые люди говорили...; вот бабки сидят разговаривают, старые были, у меня мать неграмотная была с 12-го года, а тут для меня уже бабки древние были...* и т.п.

Отсутствие на территории современного Кенозерья сюжетно развернутых исторических нарративов и отраженная в них мифологизация образа чуди свидетельствуют, что историческое самосознание местного сообщества недостаточно развито. Историко-культурная память является частью локальной идентичности. Материалы нашей экспедиции показывают, что местное сообщество не имеет своего самоназвания (эндонима). Это, в свою очередь, свидетельствует о низком уровне локальной идентичности кенозер³.

Но в то же время исследования, проводимые на Кенозерье, выявляют у местного населения развитое религиозно-мифологическое сознание. Здесь находится большое количество почитаемых объектов (священные рощи, камни, часовни, кресты), существуют обрядовые практики, связанные с почитанием священных рощ. В рощах ставили кресты, посвященные определенной иконе. В деревне Шишкино в одной из таких рощ стоит крест с иконой Тихвинской Божьей матери (*Тифинска*). На крест местные жители вешали *пелены* (полотенца и кокошники). Сами информанты объясняли, что они ходят к крестам *по завету*,

³ О связи между степенью развития локальной идентичности сообщества и степенью развития повествовательной традиции мы пишем в своей книге. См.: [Дранникова 2004].

жертвуют, чтобы Господь простил их. В рощах находились священные озера, из которых надо было умыться при их посещении. В праздничный день, посвященный иконе, находящейся в святой роще, деревенские женщины устраивали крестный ход, шли в рощу босиком, бросали в священные озера деньги. Считалось, что из рощи нельзя ничего брать, а также собирать в них ягоды и грибы. Иконы на крестах, находящиеся в святых рощах, обливали водой, впоследствии этой водой мыли заболевшего ребенка (А.Г. Шишкина, 1921 г.р., д. Вершинино; П.Н. Ножкина, 1923 г.р., д. Вершинино; З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 206—210]).

Не только озера, находившиеся в святых рощах, наделялись чудесными свойствами. Сакральный статус имело само Кенозеро (З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 3]). Считали, что когда идешь от озера, то нельзя оглядываться на него. В озере крестили детей. Существовал обычай оползать на коленях Макарьевское озеро (*по завету*) (А.Г. Шишкина, 1921 г.р., д. Вершинино; М.В. Капустина, 1927, д. Вершинино [П. 500, № 250]). Макарьевское озеро находится в северо-восточной части Кенозерского национального парка, между Кенозером и Лекшмозером. Ранее этот обычай имел широкое распространение. Наши наблюдения подтверждает свидетельство о существовании этого обряда, опубликованное Н.М. Ведерниковой. В записи, сделанной ею от А.Ф. Селуяновой, 1910 г.р., в деревне Семеново исполнительница говорит о том, что, если у человека болели ноги, существовал *завет* оползать вокруг озера на коленях три километра [Кенозерские сказки 2003, 100].

В 1908 г. писатель М.М. Пришвин обнаружил обряд «оползания» святынь на берегу реки Ветлуги [Пришвин 1931, 227, 228]. Сведения об оползании знаменитого озера Светлояр содержатся в трудах писателей П.И. Мельникова-Печерского, В.Г. Короленко. Подобные обычаи были описаны и исследованы Н.И. Толстым [Толстой 1995, 91—112].

Воспоминания об этом обряде зафиксировала в 2003 г. фольклорная экспедиция МГУ под руководством А.В. Кулагинной [Кулагина 2004, 131—141]. Вокруг Кенозера существовали и другие озера, связанные, по народным представлениям, с нечистой силой: считалось, что нельзя смотреться в *черные* лесные озера (З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 141]).

В последние годы в данной местности стали возникать новые почитаемые объекты, например, появилась сосна, которая находится около дороги между селом Вершинино и деревней Почей. Проезжающие мимо сосны завязывают на ней узелки с целью исполнения своих желаний. Сосна стала своеобразным деревом исполнения желаний — современным аналогом кенозерской священной рощи. Отмеченное нами явление носит универсальный характер и встречается во многих странах [Рыжакова 2007].

Высокий иерархический статус среди почитаемых природных объектов имеют камни, обычно отличающиеся по каким-либо признакам от других камней. К камню на Мамонове ходили, если болели экземой. Камень был довольно необычным по форме: в нем находилось углубление с водой. Местные жители считали, что эта вода *небесна(я)*. Около села Конева стоит Конь-камень, с которым связана целая группа эсхатологических легенд (М.А. Потапова, 1950 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 95—99]).

Широкое распространение среди населения Кенозерья имеют легенды с сюжетобразующим мотивом «наказание за непочитание святынь». Приведем несколько примеров. Некий Колька Ломтев сбросил с церкви колокола, после чего его будто бы парализовало. Мужчину, нарубившего лес из святой рощи на строительство своего дома, также впоследствии парализовало. Вор, который на Порженской украл иконы, ослеп прямо в церкви, а затем уже не мог выйти из нее и т.д. Исполнительница, рассказывавшая об этом, утверждала, что сама видела кровь преступ-

ника на стенах церкви (М.А. Потапова, 1950 г.р., д. Вершинино [ФА ПГУ. П. 500, № 40]).

«Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна» [Путилов 1994, 144]. Мы постарались представить картину бытования той части современной локальной кенозерской фольклорной традиции, которая связана с мифологическими представлениями и сакральным пространством. Особенностью культурного ландшафта этого ареала является большое количество сакральных мест, сохранность обрядовых и магических практик, связанных с почитанием различных природных объектов. Большое место в нем занимают духи-хозяева воды, что вызвано географическим положением Кенозерья.

Местное население исследованного региона имеет развитое религиозно-мифологическое сознание, но не осознает себя самостоятельной локальной группой, о чем свидетельствует отсутствие самоназвания и недостаточно богатая историко-культурная повествовательная традиция. Тем не менее, с исследовательской точки зрения Кенозерье является специфическим регионом с интересными этнокультурными традициями и представляет собой один из локальных вариантов севернорусской фольклорной культуры.

Литература

Агеева 1990 — *Агеева Р.* Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990.

Дмитриева 2005 — *Дмитриева С.И.* Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (Былички и рассказы об НЛО) // Современная российская мифология. М., 2005. С. 133—158.

Дранникова 2000 — *Дранникова Н.В.* Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю // Живая старина. 2000. № 1. С. 45—47.

Дранникова 2002 — *Дранникова Н.В.* Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Материалы IV Междунар. школы молодого фольклориста

(Архангельск, 6—8 июня, 2002 г.). Архангельск, 2002.

Дранникова 2004 — *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Зеленин 1995 — *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Зиновьев — *Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (публикация Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой) www.ruthenia.ru.

Кенозерские сказки 2003 — Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2003.

Козлова 2006 — *Козлова Н.К.* Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск, 2006.

Криничная 2001 — *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Кулагина 2004 — *Кулагина А.В.* Легенда о граде Китеже в свете экспедиционных записей XX—XXI веков // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетип этноса. Вып. 2. Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20—21 нояб. 2003 г.). Архангельск, 2004. С. 131—141.

Левкиевская 2005 — *Левкиевская Е.Е.* База данных «Славянские мифологические персонажи» как способ классификации мифологической системы // Проблемы структурно-семантических указателей. М., 2006. С. 136—144.

Новичкова 1995 — *Новичкова Т.А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

Пришвин 1931 — *Пришвин М.М.* Собрание сочинений. М.; Л, 1931.

Путилов 1994 — *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Рыжакова 2007 — *Рыжакова С.И.* Священный лес Покаяни в Латвии: изобретенные традиции? // Живая старина. 2007. № 1, 32—35.

Смирнов 2001 — *Смирнов Ю.И.* Предания Европейского Севера о чуди // Литература Сибири. Памяти Александра Бадмаевича Соктоева. Новосибирск, 2001. С. 55—67.

Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Оползание и опоясывание храма // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 91—112.

Сокращения

ФА ПГУ — фольклорный архив Поморского государственного университета.